

ВЕРНИСАЖ

НЕПРИКАЯННЫЙ ХУДОЖНИК

В Корпусе Бенуа Русского музея открылась выставка выдающегося ленинградского художника Бориса Ермолаева. Его работы впервые собраны в такую представительную экспозицию

«Моряки», 1932

Юрий АРПИШКИН

Всю свою долгую жизнь Борис Ермолаев (1903–1982) провел в глубокой тени. В начале 20-х, окончив легендарный Петроградский художественно-промышленный техникум, Ермолаев работал в газетах и журналах. Его, как правило, безымянные иллюстрации к оперативным газетным заметкам приоб-

рели огромную популярность и узнаваемы до сих пор как значимые приметы времени.

В 1925 году он был призван на службу в армию, и это положило начало его лучшему циклу — портретам моряков, выполненным в острогой манере, напоминающей стиль «наивной живописи», позже получивший широкое распространение. После 1943 года, когда Ермолаев получил тяжелое ранение, к живописи он не обращался.

До конца жизни занимался станковой графикой. Находясь постоянно в напряженном диалоге с современниками, Борис Ермолаев не обрел места ни среди художников круга Малевича и раннего ленинградского андеграунда, ни среди графиков предвоенной школы (другого яркого художественного сообщества), ни тем более среди мастеров соцреализма. Это удивительно, поскольку ко всем названным эстетическим движениям Ермолаев был, пусть и в разной степени, душевно близок. На выставке очень зримо прослеживается, как он настойчиво стремился совладать с господствующими стилями эпохи и как драматически у него это не получалось. Здесь мы видим тот случай, когда собственный голос и собственный почерк художника оказывались сильнее, чем все возможные веяния и влияния. Характерно также и то, что крупные мастера русского авангарда такого художника, как Борис Ермолаев, не заметили вовсе. Он был едва ли не единственным из молодых живописцев 20-х, кого не вербовал в ученики Малевич. И это тем более красноречиво, если вспомнить, как либерален был великий гуру, когда дело касалось его потенциальных единомышленников. И если видеть, как восприимчив, по сути, был Борис Ермолаев. Пресловутый «крут Малевича» потерял в его лице очень сильного союзника. Зато история изобразительного искусства советского периода обогатилась чрезвычайно ценным независимым опытом.